

От редактора рубрики From the editor of the heading

Каким образом современная Россия, понятая как государственная и культурная общность, может ответить на вызов времени? Так можно сформулировать тот тревожный вопрос, который стоит за решением редакции журнала вынести заявленную тему на обозрение, никак не претендуя ни на полноту такого обозрения, ни тем более на ее решение. Более того, представленные в рубрике статьи вообще прямо не касаются поставленного выше вопроса, но предлагают некоторые методологические и исторические рамки для его рассмотрения. Данное введение в рубрику следует рассматривать как самостоятельные заметки редактора, имеющие цель направить внимание читателя на обдумывание поставленного вопроса в предлагаемых рамках.

В такой постановке вопроса содержится особое понимание ситуации, в которой находится Российская государственность, в обозримые исторические времена объедающая на суверенной территории разные народы и этносы. Политико-административный контроль над "инородцами", предполагавший не только и не столько властное принуждение (оно остается обязательным, как атрибут государственности), но и вовлечение, согласие людей "жить вместе", признание "верховенства" титульной нации, – образовало довольно устойчивый диспозитив (М. Фуко) субъектности российского народа. Авторы этой рубрики в общем и целом соглашаются с тем, что примерно так можно характеризовать имперское наследие, с которым сегодня реально приходится иметь дело не только России, но и другим постколониальным державам. Как с этим наследием быть? И здесь позиции исследователей уже расходятся.

Тематически данную рубрику можно поместить в рамки все более расширяющегося поля постколониальных исследований, которые отражают радикальные изменения в отношениях между государствами и народами. В современном социальном дискурсе приставка "пост" означает особый способ отрицания или преодоление чего-то предшествующего при условии невозможности целиком отказаться от его наследия. Вопрос о том, действительно ли такое преодоление прошлого уже случилось или всё еще по существу осталось прежним? – становится предметом спора. Спорным является и вопрос об отождествлении постколониальной ситуации с постимперской.

Если авторы статьи "Имперский канон и имперская идея в постимперской перспективе" исходят из того, что время колониальных империй прошло, но сама идея в виде принципа гегемонии осталась; то автор другой – "Империя и колониализм в современном мире" – утверждает, что империя и сегодня является доминирующим типом политики и именно с этой точки зрения стоит переосмыслить логику основных политических процессов, в том числе на колониализм, постколониализм, а также их будущее. Автор третьей статьи "Пути политогенеза в XXI веке. К эволюционной типологии государств", указывая на исторически преходящий характер государства-нации, полагает, что наибольшим потенциалом развития обладают постколониальные государства, что их интенсивная, полная противоречий динамика – это главная лаборатория политогенеза XXI в.

В статье "Культурные фонды государства как образ его "мягкой силы" – специфика современной внешней политики претендующих на лидерство стран в аспекте использования инструментов "мягкой силы", ставшей на современном историческом этапе ведущим фактором внешней политики. Реальным воплощением такой политики становится деятельность культурных фондов, примерами которых служат "Британский Совет", "Институт Конфуция", "Русский мир".

Пример весьма характерного изменения отношения государства к своей территории как пространству развития дает четвертая статья "Вызов пространства: абстрактная геополитика, потенциал территории и историческая колея дальневосточного приграничья в 1990-х гг.". В статье на примере пограничного района рассматривается противоречивый процесс трансформации пограничного пространства из зоны сдерживания потенциального противни-

ка к площадке для реализации трансграничных международных проектов. Автор показывает, что потенциал территории как локаций для реализации таких проектов был скорее дискурсом, сконструированным региональными и локальными элитами путём "отрыва" проектов развития от широкого контекста, связывающего их с историей предшествующего развития и с окружающим пространством. Отсюда происходила мифологизация пространства, вызванная стремлением заинтересованных участников придать экстраординарный характер проектам развития приграничного района в сфере транзита и логистики.

С.Е. Ячин